

Оригинальная статья
УДК 165.8
<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2026-12-3-56-68>

Феноменология и конвенционализм: сущность и идеализация

Андрей Алексеевич Ермаков

*Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Россия
ermakov_aa@spbstu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9335-142X>*

Введение. Статья посвящена сравнительному анализу идей феноменологии и конвенционализма. Формирование в начале XX в. двух исследовательских парадигм, которое происходило во время революции в представлении на научное знание, породило новые исследовательские программы, которые переосмысливают природу научного знания. Феноменологический анализ сущности и конвенционалистский анализ языка теорий позволил прояснить ряд основополагающих понятий научных теорий. Во главу угла каждой из них ставится феномен идеализации и особое понимание структуры научного факта, что становится главным предметом обсуждения статьи.

Методология и источники. Полученные результаты исследования опирались на компаративный анализ текстов Э. Гуссерля («Философия как строгая наука», «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии»), А. Пуанкаре («О ценности науки») и работы отечественных философов, исследователей в области конвенционализма: С. Н. Коськова и С. А. Лебедева. В статье применялся аналитический метод прояснения и сравнения основных положений и понятий концепции «научного факта» Пуанкаре и сущности, полученной в ходе идеализации Э. Гуссерля, что позволило определить конвенцию как средство идеализации и фиксировать ее место в науке.

Результаты и обсуждение. Сравнение двух методологических парадигм научного знания показало их сходство и различие в отношении понимания опыта и научного знания. Научная конвенция становится не просто определением смысла и значения языкового выражения, но средством идеализации и фиксации определенного уровня научного знания и познания научного факта. Таким образом, феноменология и конвенционализм представляют передовые течения философской мысли XX в., в которых отражены основные изменения науки того времени.

Заключение. Феноменологическое решение проблемы познания отличается от конвенционалистского. Однако они находят точки пересечения в вопросах идеализации и манифестации научного факта, что необходимо порождает потребность в дальнейшем изучении данных парадигм научного знания. Необходимое продолжение исследований в данной области обусловлено взаимопроникновением и синтезом двух исследовательских программ.

Ключевые слова: феноменология, конвенционализм, научное познание, идеализация, научное знание, научный факт, наука, методология

Для цитирования: Ермаков А. А. Феноменология и конвенционализм: сущность и идеализация // ДИСКУРС. 2026. Т. 12, № 3. С. 56–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-56-68

© Ермаков А. А., 2026

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Original paper

Phenomenology and Conventionalism: Essence and Idealization

Andrey A. Ermakov

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St Petersburg, Russia
ermakov_aa@spbstu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-9335-142X>*

Introduction. The article is devoted to the analysis of the ideas of phenomenology and conventionalism. The formation of two research paradigms, which took place during the revolution in the view of scientific knowledge, gave rise to new research programs that rethink the nature of scientific knowledge. The phenomenological analysis of the essence and the conventionalist analysis of the language of theories made it possible to clarify the meaning of the underlying concepts of scientific theories. Each of them focuses on the phenomenon of idealization and a special understanding of the structure of scientific fact, which becomes the main topic of discussion in the article.

Methodology and sources. The results of the study were based on comparative analysis of texts by E. Husserl (“Philosophy as a rigorous science”, “Ideas for pure phenomenology and phenomenological Philosophy”), physicist A. Poincare (“On the value of science”), and the works of Russian philosophers, representative of postpositivism and researchers in the field of conventionalism: S.N. Koskov and S.A. Lebedev. The article uses an analytical method to clarify and compare the main provisions and concepts of Poincare's concept of “scientific fact” and the essence obtained during the idealization of E. Husserl, which made it possible to define the convention as a means of idealization and to fix its place in science.

Results and discussion. A comparison of the two methodological paradigms of scientific knowledge has shown similarities and differences in their understanding of experience and in their view of scientific knowledge. A scientific convention becomes not just a definition of the meaning and significance of a linguistic expression, but a means of idealizing and fixing a certain level of scientific knowledge and knowledge of scientific fact. Thus, phenomenology and conventionalism represent the leading trends of twentieth-century philosophical thought, which reflect the main scientific changes of that time.

Conclusion. The phenomenological solution to the problem of cognition differs from the conventionalist one. However, they find common points of intersection in the issues of idealization and manifestation of scientific fact, which necessarily creates the need for further study of these paradigms of scientific knowledge. The necessary continuation of research in this area is due to the interpenetration and synthesis of the two research programs.

Keywords: phenomenology, conventionalism, scientific cognition, idealization, scientific knowledge, scientific fact, science, methodology

For citation: Ermakov, A.A. (2026), “Phenomenology and Conventionalism: Essence and Idealization”, *DISCOURSE*, vol. 12, no. 3, pp. 56–68. DOI: 10.32603/2412-8562-2026-12-3-56-68

Введение. В статье анализируется роль конвенции в устройстве научного знания, а также генезис языка науки и его формирование в процессе производства научного знания. Предпринимается попытка сравнения двух, на первый взгляд, различных теоретических концепций – феноменологической и конвенционалистской методологий науки. Феноменология представляет научное знание как эйдетическую структуру, имеющую истоки в жизненном мире, а конвенционализм понимает научное знание как продукт конвенций – условных соглашений о смысле и значении языковых выражений. Однако, обе философские теории относятся к науч-

ному знанию как структурному явлению, обладающему моментом идеализации. Исследование смежных вопросов двух областей представляется актуальным в рамках данной работы.

Основной акцент в работе делается на конструировании научного факта в конвенционалистской традиции и обозначает место конвенции в научной структуре, а также соотношение научного факта и научного закона в свете эмпирической проверки основных и производных предложений науки. Рассматриваются как первичные понятия науки, которые предвходят в ее итоговые суждения, так и результирующие предложения, которые определяют границы применимости научного знания и его допустимое теоретическое содержание.

Основанием для сравнения феноменологии и конвенционализма является их отношение к опыту. Феноменология формирует негативное отношение к естественному познанию в процессе феноменологической редукции, исключая всякое природное пространственно-временное существование, и постулирует предмет нового порядка – идеальную сущность. Конвенционализм опирается на факты «естественного» опыта, однако, ставит их в определенную зависимость от конвенций – условных соглашений, определяющих идеальное содержание того или иного объекта. В процессе феноменологической редукции философ получает те же самые идеализации, что и ученый, устанавливая конвенции, вводя определения, фиксируя условные обозначения, анализируя принципы. Феноменологический подход лежит в области анализа понятий, который предвзывает эмпирическое исследование.

В работе предлагается феноменологический взгляд на природу научной конвенции, что пролагает связь между философской методологией науки и феноменологией. Последняя, с самого начала своего основания стремившаяся воплотить идеал философии как «строгой» науки, придавала огромное значение первичным понятиям как определяющим элементам любой теории. Гуссерль в своей программной статье «Философия как строгая наука» [1] отмечает, что главный методический вопрос любой науки – как естественный, донаучный, «наивный» опыт может стать опытом научным, как он может приобрести объективную значимость в противовес субъективным впечатлениям. Он пишет: «описание данностей наивного опыта и идущие с ним рука об руку их имманентный анализ и логическое постижение совершаются при помощи некоторого запаса понятий, научная ценность которых имеет решающее значение для всех дальнейших методических шагов» [1, с. 693]. Поэтому прояснение такого рода вопросов необходимо для опытной науки.

Однако содержание этих понятий не может черпаться из наивного, неопределенного опыта – опыт должен ими определяться, но не наоборот. Эту мысль выражает Гуссерль в следующей цитате: «научная ценность ключевых для теории понятий (понятий, формирующих представление об опыте) не может возникнуть из опытов испытуемых и испытующих, не может быть логически установлена опытными положениями: здесь-то и есть как раз место феноменологическому анализу сущности (Wesensanalyse), который не есть и не может быть эмпирическим анализом» [1, с. 693]. Таким образом, определение научных понятий становится ключевым пунктом в формировании научной теории и научного опыта.

Вместе с тем конвенционализм стоит на той же позиции. Как пишет Пуанкаре в своей философской работе «Ценность науки» [2] изначальные принципы и исходные определения научной теории не верифицируются в опыте. Это служит основанием для более подробного исследования данных точек зрения на природу научного знания.

Методология и источники. Исследование выполнено на базе феноменологической и конвенционалистской методологий. Привлеченные источники включают в себя работы Гуссерля «Философия как строгая наука» [1], «Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии» [3], «Статьи об обновлении» [4], «Начало геометрии» [5], Пуанкаре «Ценность науки» [2], а также некоторые зарубежные: J. Himanka [6], J. Ayer [7], R. Traggesser [8], D. Welton [9], J. Hintikka [10], E. Коhak [11]) и отечественные исследования по данной теме – С. Н. Коськов [12], С. А. Лебедев [13; 14]).

В статье использованы методы сравнительного анализа и синтеза двух различных методологий научного знания с целью прояснения базовых понятий и ключевых концепций данных теорий, а также обнаружения общих, объединяющих их моментов.

Результаты и обсуждение. Сущность, опыт и конвенции. Процесс образования научных понятий сложен и многогранен по своей сути. Многочисленные опыты и эксперименты не могут заменить в определении понятий сущностных элементов. С. Н. Коськов отмечает, что «понятия заключают в себе логически освоенную практическую и познавательную деятельность человечества» [12, с. 25]. Несмотря на то, что исторически содержание всякого познания происходит из опыта, в понятиях, как утверждает Коськов, снят эмпирический этап их формирования и оставлен только сухой логический остаток, который представляет собой не просто набор зафиксированных фактов, а конвенционально установленную истину. Понятия есть не просто результат опытов, но конвенции, которые имеют глубокую феноменологическую основу.

Для науки существенное значение имеет образование таких научных понятий, которые бы однозначно фиксировали познаваемую действительность. Донаучный тип познания характеризовался опорой на многозначные субъективные представления. Научное познание начинается с определения понятий в отчетливо зафиксированных терминах, в которых четко ограничивается познаваемая с их помощью реальная действительность и устанавливается, таким образом, предметная область исследования. Состояние «наивного опыта» должно смениться научным, четко определенным в однозначных понятиях.

Уже Аристотель в своей «первой философии» писал, что «значить» – это значить что-то одно, определенное по своему существу. Однако в естественной науке такой переход от наивного и неопределенного опыта к научному, был сделан лишь в XVI–XVII вв. Галилео Галилеем, который начал экспериментально исследовать физические явления, что позволило затем Ньютону в четких определениях выразить понятия скорости, массы и движения.

Необходимость определений точных и строгих понятий лежит в основании всех наук. Научная психология, зародившаяся с экспериментальной лабораторией Вундта, лишь в XX в. с приходом гештальт-психологии, бихевиоральной психологии, гуманистической и экзистенциальной психологии, психоанализа приобрела те основополагающие научные понятия, которые сделали ее развитие возможным в качестве единой научной теории. Безусловно, психология как естественная наука по степени разработки своих понятий находится в более зачаточной стадии развития, чем современная теоретическая физика. Определение предмета психологии, понятие «психической реальности» столь фундаментальное для психологии, как и понятие физической реальности для естествознания, не столь хорошо разработаны в психологии как в физике, химии, или в современной микробиологии, однако озвученные теории

сделали необходимые шаги в научном удостоверении психологии как строгой науки. Предварительный анализ понятий, таким образом, становится основной научного метода.

Анализ понятий становится основой не только научного, но и феноменологического метода исследования. Феноменологический метод, согласно Гуссерлю, «заложен во всяком анализе, направленном на уяснение понятий» [1, с. 713–714]. Феноменологический метод исследования не просто идет наравне с научным, но является его основой. Прояснение понятий, еще не ставших научными, понятий обыденного опыта есть необходимая предварительная феноменологическая работа. В рамках исследования реальности ученый естественно сталкивается с ситуацией неопределенности, когда подготовленного научного материала не хватает, а нового еще не изобретено. Как образуются конвенции? Какова последовательность закрепления за знаком его конвенционального значения? Какова структура этого процесса?

Конвенционалистская методология научного знания. Каждому условному соглашению предшествует предварительная феноменологическая работа по прояснению базовых понятий науки. В своей работе «Ценность науки» Пуанкаре, полемизируя с французским неотомистом и последователем интуитивизма Бергсона Эдуардом Леруа, описывает процесс образования «научных» фактов из «не научных» или «голых» фактов – фактов обыденного сознания. Анализируя примеры «научных» и «не научных» фактов Леруа, Пуанкаре дает собственную иллюстрацию процессу преобразования субъективного впечатления в научный факт: 1) ощущение впечатления темноты, 2) утверждение «становится темно», 3) затмение наступило, когда часы показывали 10:00, 4) так как мои часы не отстают (работают исправно), то затмение наступило в 10:00.

Пуанкаре отмечает, что только «1)» есть настоящий «голый факт», полученный сознанием индивидуального субъекта. Второй пункт уже представляет своего рода научный факт. На первой ступени факт является голым, абсолютно индивидуальным вследствие того, что «он совершенно отличен от всех иных возможных фактов» [2, с. 257]. На второй ступени реализуется утверждение, которое может выразить сотни тысяч других фактов. Утверждение «становится темно» обладает уже объективным, наиндивидуальным характером, способным описать не одно единичное впечатление, ощущение, а множество подобных. Оно хорошо описывает впечатления, которые человек испытывает, когда становится темно, «но даже впечатление темноты может иметь множество оттенков, и если бы вместо оттенка, осуществляющегося в действительности, имел место другой, несколько отличный, то все-таки я бы еще выразил этот другой факт словами “становится темно”» [2, с. 257].

Это происходит за счет того, что впечатления облакаются в слова, которые имеют общезначимый характер. Речь, посредством которой это утверждение произносится, обуславливает возможность применения моего впечатления к тысячам других. Потенциально бесконечное число оттенков переживаний, впечатлений и ощущений ограничивается конечным количеством знаков, посредством которых я их могу выразить, что позволяет мне охватить в словах то бесконечное множество впечатлений, которые могут быть мне доступны или кем-либо переживаемы и зафиксированные как таковые.

Таким образом, для Пуанкаре образование научного факта имеет двухступенчатую структуру: сначала мы фиксируем данные ощущения, а потом облакаем их в слова, которые уже гораздо более универсальны и могут быть применимы для множества однотипных фактов.

Однако откуда мы знаем, что для данных ощущений необходимы именно эти словесные выражения и обозначения? На этом этапе мы устанавливаем конвенции, которые фиксируются языком употребляемой нами терминологии. Пуанкаре называет их условными соглашениями.

Ни одна наука не обходится без конвенций или условных соглашений. Но как они образуются? И какова их роль в научном познании? Каковы их ограничения? Конвенции возникают из принятого предложения или утверждения. Ни одна конвенция не подлежит ни опытной проверке, ни демонстративному доказательству. Все законы, гипотезы и доказуемые предложения подлежат (требуют) эмпирической проверке, доказательству. Среди конвенций оказываются обозначения, определения, аксиомы, принципы, исходные положения научной теории.

Отличительной чертой условных соглашений является принятие их априори, без ссылки на какой-либо фактический источник или доказательство. Конвенция ни истинна, ни ложна, она удобна. В таком случае, можно предположить полную независимость науки от доказуемых и проверяемых в опыте положений и провозгласить ее творческим и самостоятельным проектом самого ученого, независимым от реальности. Однако невозможно свести всю науку к условным соглашениям – они занимают ограниченное место в научном познании. «Если бы все законы были преобразованы в принципы, – пишет Пуанкаре – то от науки не осталось бы ничего. Каждый закон может быть разложен на принцип и закон; но из предыдущего очевидно, что законы продолжают существовать всегда» [2, с. 265], они есть то, что так сказать «закрепляет» действительность, то что связывает действительность и обыденный опыт человека.

Законы есть соотношения между голыми фактами в противоположность тому, что конвенции есть отношение между уже выбранными, отобранными и зафиксированными в языке фактами. «Инвариантные законы суть отношения между голыми фактами, тогда как отношения между “научными фактами” всегда остаются в зависимости от некоторых условных соглашений» [2, с. 267]. Оставаясь в зависимости от условных соглашений «научные факты» все же остаются построены на основе первичных. Поэтому полное устранение закона из научной теории, полное устранение такого типа знания невозможно – это значило бы тогда отказаться от главной цели науки – познания реальной действительности и поиска истины.

Таким образом, мы приходим к выводу, что элиминирование закона как формы научного знания противоречиво, так как наука в таком случае лишается своей главной цели – познания действительности и достижения истины. Поэтому, не все положения в науке условны – реальные связи в явлении, которые Пуанкаре называет законом, являются причиной того, что наука – это не просто выдумка и произвольная хитрость ученого, а познанная реальность.

Факт, согласно Пуанкаре – это «голый факт в переводе на удобный язык» [2, с. 260]. Ученый не создает факты из ничего, как, например, считает Э. Леруа или представители радикального конвенционализма, в частности, К. Айдукевич [15], он вырабатывает его на основе голого факта, он ограничен им, как материалом. Повлиять на голые факты невозможно. Мы вольны их фиксировать и комбинировать (символизировать и выражать определенным образом), но не более того.

«Словесное выражение факта всегда может быть проверено, и для проверки мы прибегаем или к свидетельству наших чувств или к воспоминанию об этом свидетельстве» [2, с. 258]. После словесного выражения некоторого факта и после того, как установлена кон-

венция относительно смысла и значения используемых слов в данной ситуации, ученый обращается к своим чувствам и впечатлениям, актуальным на данный момент в той ситуации, где он сейчас находится и где производится высказывание или утверждение, и выносит решение об истинностном значении озвученного утверждения. «Ответ будет дан моими чувствами, воспринимающими факт, но вовсе не вами в ваших словах: независимо от того, выразил ли я его по-английски или по-французски» [2, с. 258]. Таким образом, объективной оценке факта в словах всегда предшествует некое субъективное впечатление.

Чувственные данные вынуждают меня признать ту или иную ситуацию. Условное соглашение зависит лишь от моего выбора. Однако исходя из всего этого не следует, что научный факт полностью произволен, как раз наоборот, если научный факт возникает из «голого», первичного факта, то научный факт не произволен – он мотивирован изначальным впечатлением, которое побудило к его созданию и которое актуально при его наличии. Исходя из всего сказанного можно заключить, что факты науки всегда уходят корнями в индивидуальные впечатления субъекта и там находят свое конечное подтверждение.

Вследствие этого, изначальный тезис Леруа неверен: ученый не создает факты. Он лишь фиксирует их в языке. Научный факт – это фиксация ощущения (впечатления) в языке. Свободная деятельность ученого ограничивается выбором фактов достойных наблюдения и способом связи их в языке, однако сама связь ощущений в явлении инвариантна и дана нам в виде закона. Таким образом, факт не создается ученым, а лишь им исследуется, фиксируется и формируется.

Феноменологическая методология научного знания. Однако если область ощущений хорошо исследована в физике и математическом естествознании в общем, то сама область конвенций еще далеко не так хорошо исследована. На что опирается ученый, когда устанавливает конвенцию? Что является критерием принятия или отвержения конвенции? Если конвенция не подлежит опытной проверке, то в данном случае для оценки ее «истинности» применяются внеэмпирические критерии, такие как: красота, совершенство, удобство, простота, изящность, экономичность и т. д. Например, Пуанкаре утверждает, что конвенция ни истинна, ни ложна, она удобна. Однако можно предположить, что, по крайней мере, одним из источников конвенции является эйдетическая интуиция ученого или сущностное созерцание (*Wesensschauung*).

В «Идеях к чистой феноменологии и феноменологической философии» Гуссерль вводит разделение на науки о фактах и науки о сущностях, отводя вторым собственный регион для деятельности. К последним, например, относятся чистая математика, формальная логика, геометрия, теория множеств. К наукам о фактах Гуссерль относит физику, химию, биологию, психологию, т. е. все те науки, в которых заключено некоторое отношение к миру или, иначе говоря, в которых происходит «полагание реального существования» [3, с. 41].

Исследование мира, в рамках которого происходит «полагание реального существования», отличается от исследования сущности. Первое полагает предмет в пространственно-временной действительности, данный нам через наши органы чувств, что определяет его как «реальный», относящийся к миру, его устройству и структуре. Разделение на голый и научный факты, которое производит Пуанкаре, полностью относится к наукам о фактах. Однако каждый научный факт, каждое индивидуальное существование такого-то вида, подтвержденное в моих органах чувств, содержит в себе сущность, доступную категориальному созерца-

нию (терминология времен «Логических исследований») или идеации. Не бывает фактов без сущности – любой факт уже имеет заранее определенную эйдетическую структуру.

Этим выражается определенная зависимость наук о фактах от наук и сущности: «...любая эйдетическая наука принципиально независима от любой науки о фактах, ... обратное как раз значимо для науки о фактах» [3, с. 44] – науки о фактах зависят от наук о сущности. Если факт содержит в себе полагание реального существования, то сущность – идеальную возможность.

Основывая новую дисциплину, Гуссерль выдвигает методическое требование феноменологической редукции, которое заключается в исключении всех естественных, метафизических и научных предрассудков, предпосылок и предустановок в отношении познания мира и в первую очередь – полагания реального существования. В феноменологической сфере все «отношения к вещно-воспринимаемому телу и к природе отэллиминированы» [1, с. 705]. Опыт физической науки есть источник знания о природе, понятой как единство пространственно-временного бытия [1]. В нем обнаруживается *вещь* природы как «центр объединения причинностей внутри единой всеохватывающей природы (*der Einen Allnatur*)» [1, с. 699]. Она представляет «субстанциональное единство реальных свойств, допускающих повторное наблюдение и научно-опытное установление и подтверждение» [1, с. 705]. Таким образом, вся естественная наука глубоко укоренена в опыте, понимаемом физически, т. е. как результат наблюдения или эксперимента.

Все реальные свойства – каузальны [1]. Исключая природу, мы исключаем полагание реального существования, приостанавливаем действие «естественной установки сознания». «Созерцание сущности не является познанием *matter of fact*, не включает в себе и тени какого-либо утверждения относительно индивидуального (скажем, естественного) существования» [1, с. 707]. Созерцание сущности является идеализирующим познанием или познанием, совершенным с помощью метода идеации.

Известным фактом является то, что одним из важнейших методов теоретического, в противоположность эмпирическому, познания в науке является идеализация [14]. Идеализация – это метод получения объекта, свойства которого не встречаются в природе. Идеальный объект – это объект, лишенный реальных свойств, а значит, и не подчиненный законам каузальности, т. е. на него не действуют природные силы причины и действия. Однако каким же законам он тогда подчинен? Он подчиняется конвенциям.

Очевидно, что на треугольник невозможно воздействовать, как на физический объект, но им можно манипулировать – делать различные дополнительные построения, варьировать, совершать его мысленные преобразования в «свободной фантазии». Это – основные методы работы с идеальным (или как его еще называют – теоретическим) объектом, в отличие от эмпирических, где основными методами выступают наблюдение, измерение и эксперимент. Доказательством теоремы в математике не послужит наблюдение сторон треугольника, как доказательством наличия сопротивления в проводнике не послужит идеальное построение или чертеж схемы в физике.

Геометрические построения – это также идеальные представления о пространственных объектах, геометрическое пространство – это уже не собственно пространство, а идеальное пространство, смоделированное в уме математика (полученное путем абстрагирования). «Математика ведет речь не о действительных пространствах, телах, плоскостях и т. д. как о природных фактах, но вообще о представимом и при этом согласованно мыслимом, об “иде-

ально возможном» [4, с. 118]. Алгебра, математика в общем, а тем более теория множеств – это очень абстрактная система, служащая моделью для «реальной» действительности.

Здесь обнаруживаются точки пересечения феноменологии и науки. Сущности феноменологии и идеальные объекты естественной науки не столь уж различны. Несмотря на то, что феноменологию многократно обвиняли в схоластике, термины «идеальный», «идеальное» имеет греческий корень *idéa* – вид/образ, что в Платоновской теории идей указывает на значение способа реального существования вещей. Как ученый отвлекается от опыта, чтобы произвести геометрическое или алгебраическое построение, так и феноменолог совершает феноменологическую редукцию, чтобы получить сферу чистых сущностей.

Сравнение двух методологий. Объединяющим моментом двух философских концепций является их отношение к опыту. Понимание опыта для них не является чем-то наивным или догматическим, а рефлексивным и подвергающимся критическому анализу. Опыт интерпретируется не как нечто готовое, преданное для субъекта, а скорее, как сконструированное в результате активной теоретической деятельности ученого знание. Со стороны конвенционализма, такими независимыми от опыта элементами являются конвенции, со стороны феноменологии – сознание.

Обе философские позиции преследуют целью прояснение оснований научного знания. Если конвенционализм сосредоточен на анализе языковых соглашений, выступающих в качестве базовых предпосылок науки, то феноменология обращает внимание на ее фундаментальные понятия и стремится прояснить их смысл и значение. Конвенционалисты определяют структуру научного знания как содержащую условные соглашения, которые не зависят от опыта и потому не проверяются эмпирически. Феноменология подходит к анализу научного знания с точки зрения его предпосылок, выявляя и проясняя базовые, до опыта заложенные предустановки в отношении метода и предмета науки.

В этом отношении обе парадигмы научного знания нацелены на выявление и прояснение базовых предпосылок науки: конвенционализм – конвенций, феноменология – самоочевидных данностей, не рефлексивных, не попадающих в исследовательский интерес ученого. Испытавший влияние теоретизирующего разума опыт становится главной темой конвенционализма и феноменологии.

Сущность для феноменологии – это идеальный объект, реализующий идеальные возможности. Идеальные объекты – это мысленные конструкции, которыми можно оперировать с помощью конвенций. Конвенции – это то, что позволяет оперировать различными мысленными конструкциями. Например, давая определение кругу мы сразу же задаем идеальный способ его построения, а введение в физике понятий абсолютно твердого тела упрощает расчеты и позволяет изучить свойства реальных объектов без учета их деформации. Это сближает конвенционалистскую и феноменологическую точки зрения.

В «Начале геометрии» Гуссерль описывает общий порядок феноменологического исследования феноменов культуры, который осуществляется как движение «от очевидностей – вдоль документированной сети исторических встречных отсылок – к скрытому измерению лежащих в их основе перво-очевидностей» [5, с. 237].

Теория категориального созерцания, разрабатываемая в феноменологии Э. Гуссерля, определяет и описывает единства, составляющие основу познавательной способности (предметную тождественность, категориальную интуицию, которую он называл идеацией,

принцип эйдетической вариативности и др). Сознание в данном отношении функционирует подобно конвенции. В результате установления условного соглашения образуется идеальная сущность, проясняющая не только языковое выражение, но и его предметное значение. Для категориального созерцания данный факт выражается в том, что внимание направляется на «чистые предметы опыта» в которых сознание на основе единичного созерцания усматривает всеобщие свойства данного класса вещей. Посредством эйдетической вариативности сознания Гуссерль показывает значение особых аналитических актов, с помощью которых происходит сущностное схватывание многообразных явлений опыта «по мере сущности» и раскрывается его сущностное наполнение.

Существенной чертой геометрических построений является их неапробуемость в опыте, т. е. геометрические построения не подлежат проверке опытом. Было бы абсурдно на основании нарисованного куба делать выводы о его свойствах. Поэтому ученый руководствуется здесь конвенциями – заранее установленными правилами, которые помогают ему четко оперировать предметом.

Данные условные соглашения не подлежат проверке в опыте, как и любого рода «идеальности» типа арифметических, геометрических или логических объектов. Ученый при построении куба работает не с реальным, а идеальным объектом, который находит свое отражение в реальности. С помощью соглашений относительно правил его (идеального объекта) построения (например, определение круга) он чертит фигуру – идеальный образ некоторого пространственного объекта, данного нам через органы чувств. С помощью конвенции он создает правило, следуя которому он конструирует идеальность, которая помогает познавать реальность чувственно воспринимаемых вещей и объектов.

Идеализации исключают возможность опытной проверки, как и сущности, не привлекают опыт в качестве обосновывающих созерцаний. Идеализации – это сущности, доступные непосредственному созерцанию, варьированию и мысленному экспериментированию. В естествознании мы видим множество примеров идеализаций, например, понятие идеального газа или абсолютно черного тела. Идеальный газ – это газ, которого не существует в природе. Он лишен всех реальных свойств, его существование не проверить на опыте. Он – чистая конвенция. С помощью него изучаются свойства реальных газов, которые уже верифицируемы в опыте. Однако сами идеализации до него не сводимы.

Термин «конвенция» в научной практике используется также в значении фиксации языковых выражений, апеллирующих к понятию всеобщности. Например, используя идеальный газ – мы даем определение любого газа, это – конвенция. Когда мы рисуем круг по правилу «все точки равноудалены от центра», то мы используем конвенцию – определение круга. Конвенция или правило, определение непрерывно сопутствует всем нашим идеализирующим операциям и представлениям, и, таким образом, органически встраивается в структуру исследования научного факта.

Конвенция, таким образом, это не просто положение, не проверяемое (не требующее проверки) в опыте или не требующее любого другого доказательства, но средство, инструмент создания идеального образа, правила оперирования сущностью. Конвенции помогают оперировать идеальными объектами, задают правила их построения. Конвенции – это нечто реальное по отношению к объектам – идеальному. Как конвенции в некотором плане оторваны от мира, являясь продуктами человеческого ума, так и идеальные объекты не являются частью его структуры.

Конвенция тесно связана с эмпирическим познанием мира, как и идеальные объекты феноменологии. Однако они имеют различие в отношении к миру. Для конвенционализма соглашения – предмет мира и научного опыта, помогающие прояснить значения тех терминов, которые мы применяем для обозначения тех или иных феноменов мира, они не дают нам нового знания о мире. Для феноменологии идеация или – что тоже самое – для науки идеализация – это конструирование определенного рода предметности, т. е. задания определенного региона бытия. Конвенции позволяют аналитически познать реальность, а идеальные объекты или сущности приблизить к себе ее для более подробного рассмотрения.

Вариант конвенционалистского генезиса базовых научных понятий отличается от конструирования научного факта в феноменологии. Если для конвенционализма научный факт – это деятельность ощущения и результат условного соглашения, распространяющийся на множество однотипных случаев заложенной в языке возможности идеализации, то для феноменологии научный факт всякий раз сконструирован трансцендентальным сознанием.

Каждая позитивная (исследующая мир, а не сознание) наука обладает своим региональным априори, устанавливающим границы исследуемого ею предмета. Феноменология занимает позицию априорной всеобщности и необходимости эйдетических положений, лежащих в основании всех естественных и гуманитарных наук. Аподиктичность этих положений следует из трансцендентально чистого сознания, в противоположность идеализации языковых структур науки. Наука устанавливает соглашения чтобы оперировать фактами, феноменология исследует сознание, чтобы определить сущность.

Таким образом, исследования конвенциональных структур науки и природы конвенции показывает, что она обладает свойством идеализации объектов действительности, проясняя их устройство и устанавливая границы применения. Конвенция претендует на общезначимость и касается по преимуществу языка, нежели сущность. Эйдетические структуры сознания определяют актуальное содержание мира. Они не отталкиваются напрямую от фактов, а скорее исходят от актов, их образующих.

Дальнейшие исследования в области соотношения феноменологии и конвенционализма может располагаться на почве языка, средствами которого конструируются определенные идеальные структуры. Также следует уделить внимание перспективе сближения феноменологии и конвенционализма на основании стремления прояснения базовых понятий и положений науки.

Заключение.

1. Образование понятий в ходе истории развития науки имеет не только опытную, но идеальную, конвенциональную основу.

2. Необходимым условием развития науки являются идеальные или конвенциональные структуры, которые позволяют фиксировать в своих определениях значение.

3. Образование научного факта имеет двухступенчатую структуру, вторым этапом которого является конвенция, как средство языка.

4. Научная идеализация имеет основания в феноменологической идеации. Без теории идеации невозможно обоснование существования в рамках научного дискурса и инструментария идеальных объектов.

5. Конвенциональность научных объектов и правил определяет сущностную структуру науки в отношении возможности построения ею идеальных объектов.

Таким образом, конвенция – это средство идеализации научного знания. В структуре научного факта идеализация находит место как момент установления конвенции. Как феноменолог не полагает реальное существование в исследовании сущности, так ученый идеализирует и создает абстракции. Однако этим занимается и феноменолог. Недаром Гуссерль в своих «Статьях об обновлении» отмечает аналогию метода математического и феноменологического: «математик принципиально воздерживается от какого-либо суждения о реальных фактах» [4, с. 117], в «свободной фантазии» он варьирует и творит новые. Феноменология и наука, обнаруживая непосредственные точки соприкосновения, обещают многому научиться друг у друга.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гуссерль Э. Философия как строгая наука // Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философия. Философия как строгая наука / пер. с нем. Минск: Харвест; М.: АСТ, 2000. С. 668–743.
2. Пуанкаре А. Ценность науки // О науке / пер. с фр.; под ред. Л. С. Понтрягина. М.: Наука, 1983. С. 153–282.
3. Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. Кн. 1. Общее введение в чистую феноменологию / пер. с нем. А. В. Михайлова. М.: Академ. проект, 2019.
4. Гуссерль Э. Статьи об обновлении / пер. с нем. К. В. Бандуровского // Вопросы философии. 1997. № 4. С. 109–135.
5. Гуссерль Э. Начало геометрии / пер. с фр. и нем. М. Маяцкого. М.: Ad Marginem, 1996.
6. Himanka J. Does the earth move? A search for a dialogue between two traditions of contemporary philosophy // Philosophical Forum. 2000. Vol. XXXI, № 1. P. 57–83. DOI: <https://doi.org/10.1111/0031-806X.00028>
7. Ayer J. Language, Truth and Logic. London: Victor Gollancz, 1962.
8. Tragesser R. S. Phenomenology and Logic. NY: Cornell Univ. Press, 1977.
9. Welton D. The Origins of Meaning: A Critical Study of the thresholds of Husserlian Phenomenology. Boston: The Hague, 1983.
10. Hintikka J. The phenomenological dimension // The Cambridge companion to Husserl / eds. by B. Smith, D. Smith. NY: Cambridge Univ. Press, 1995. P. 78–105.
11. Kohak E. Idea and Experience: Edmund Husserl's Project of Phenomenology in Ideas I. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1978.
12. Коськов С. Н. Конвенциональность научного знания и конвенционалистская эпистемология. М.: ДиректМедиа, 2023.
13. Лебедев С. А. Консенсуальный характер научного знания как обобщение его конвенциональности // Studia Humanitatis Borealis. 2021. № 1 (18). С. 4–12. DOI: 10.15393/j12.art.2021.3681
14. Лебедев С. А. Философия науки: учеб. пособие. М.: Академ. проект, 2007.
15. Айдукевич К. Картина мира и понятийный аппарат // Философия науки. М.: ИФ РАН, 1996. Вып. 2. С. 231–254.

Информация об авторе

Ермаков Андрей Алексеевич – аспирант Высшей школы общественных наук Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, ул. Политехническая, д. 29, Санкт-Петербург, 195251, Россия. Автор пяти научных публикаций. Сфера научных интересов: философия науки, логика, феноменология, конвенционализм.

О конфликте интересов, связанном с данной публикацией, не сообщалось.

Поступила 20.08.2025; принята после рецензирования 02.12.2025; опубликована онлайн 23.06.2026.

REFERENCES

1. Husserl, E. (2000), "Philosophie als strenge Wissenschaft", *Logicheskie issledovaniya. Kartezianskie razmyshleniya. Krizis evropeiskikh nauk i transtsenden-tal'naya fenomenologiya. Krizis evropeiskogo chelovechestva i filosofiya. Filosofiya kak strogaya nauka* [Logical research. Cartesian reflections. The crisis of European Sciences and transcendental phenomenology. The crisis of European humanity and philosophy. Philosophy as a rigorous science], Transl., Harvest, Minsk, BLR, ACT, Moscow, RUS.
2. Poincare, H. (1983), "La Valeur de la Science", *About Science* [About science], Transl. by Pontryagin, L.S., Nauka, Moscow, USSR.
3. Husserl, E. (2019), *Ideen zu einer reinen Phänomenologie und Phänomenologischen Philosophie. 1 Buch. Allgemeine Einführung in die reine Phänomenologie*, Transl. by Mikhailov, A.V., Akadem. proekt, Moscow, RUS.
4. Husserl, E. (1997), "Aufsätze über Erneuerung", Transl. by Bandurovskii, K.V., *Voprosy Filosofii*, no. 4, pp. 109–135.
5. Husserl, E. (1996), *Der Ursprung der Geometrie*, Transl. by Mayatskii, M., Ad Marginem, Moscow, RUS.
6. Himanka, J. (2000), "Does the earth move? A search for a dialogue between two traditions of contemporary philosophy", *Philosophical Forum*, vol. XXXI, no. 1, pp. 57–83. DOI: <https://doi.org/10.1111/0031-806X.00028>
7. Ayer, J. (1962), *Language, Truth and Logic*, Victor Gollancz, London, UK.
8. Tragesser, R.S. (1977), *Phenomenology and Logic*, Cornell Univ. Press, NY, USA.
9. Welton, D. (1983), *The Origins of Meaning: A Critical Study of the thresholds of Husserlian Phenomenology*, The Hague, Boston, USA.
10. Hintikka, J. (1995), "The phenomenological dimension", *The Cambridge companion to Husserl*, Smith, B. and Smith, D. (eds.), Cambridge Univ. Press, NY, USA, pp. 78–105.
11. Kohak, E. (1978), *Idea and Experience: Edmund Husserl's Project of Phenomenology in Ideas I*, Univ. of Chicago Press, Chicago, USA.
12. Kos'kov, S.N. (2023), *Konvetsional'nost' nauchnogo znaniya i konvetsionalistskaya ehpistemologiya* [Conventionality of scientific knowledge and conventionalist epistemology], DirektMedia, Moscow, RUS.
13. Lebedev, S.A. (2021), "Consensual Nature of Scientific Knowledge as Generalization of Its Conventionality", *Studia Humanitatis Borealis*, no. 1 (18), pp. 4–12. DOI: 10.15393/j12.art.2021.3681
14. Lebedev, S.A. (2007), *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science], Akadem. proekt, Moscow, RUS.
15. Aydukevich, K. (1996), "Worldview and conceptual framework", *Philosophy of Science*, iss. 2, RAS Institute of Philosophy, Moscow, RUS, pp. 231–254.

Information about the author

Andrey A. Ermakov – Postgraduate Student at the Higher School of Social Sciences, Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, 29 Polytechnic str., St Petersburg 195251, Russia. The author of five scientific publications. Area of expertise: philosophy of science, logic, phenomenology, conventionalism.

No conflicts of interest related to this publication were reported.

Received 20.08.2025; adopted after review 02.12.2025; published online 23.06.2026.